

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
Сильные люди

«Public Domain»

1929

Куприн А. И.

Сильные люди / А. И. Куприн — «Public Domain», 1929 — (Мыс Гурон)

ISBN 978-5-457-32327-8

«Четыре часа свежего розового утра. Я вижу из открытого окна, как выходит на добычу одна из моторных лодок, принадлежащих рыбакам. Слежу ее путь. Вижу, как она остановилась и как через ее накренившийся борт шлепается в море якорь, огромный камень. И тотчас же, медленно подвигаясь, начинают рыбаки «сыпать сети». Поплавок за поплавком ложатся ровно на воду, обозначая тонким четким пунктиром правильную линию...»

ISBN 978-5-457-32327-8

© Куприн А. И., 1929
© Public Domain, 1929

Александр Иванович Куприн

Сильные люди

Четыре часа свежего розового утра. Я вижу из открытого окна, как выходит на добычу одна из моторных лодок, принадлежащих рыбакам. Слежу ее путь. Вижу, как она остановилась и как через ее накренившийся борт шлепается в море якорь, огромный камень. И тотчас же, медленно подвигаясь, начинают рыбаки «сыпать сети». Поплавок за поплавком ложатся ровно на воду, обозначая тонким четким пунктиром правильную линию. Потом другой камень-якорь и крутой поворот под безукоризненно верным прямым углом, и еще раз, и еще, и вот я вижу удивительную трапецию из черных точек на фаянсово-блестящей синеве моря, трапецию, от изящества которой придет в восторг самый строгий геометр. И какое меткое выражение «сыпать сети».

Это искусство кажется издали совсем пустячным, однако оно дается годами упорной, постоянной работы. Нет. Вернее сказать: оно наследие тысячелетнего опыта далеких предков.

Почти во всякой вольной работе на чистом воздухе есть своя точность в простом свободном движении, свой ритм, своя красота и своя безусловная грация. Мало кто обращал внимание на то, например, как потомственные огородники и садовники «пикируют» молодые растения, то есть пересаживают из парника в грунт. Надо поглядеть на щегольскую аккуратность их грядок и на математическую стройность, с которой они, без помощи линейки или нити, втыкают осторожно в эти гряды, ряд за рядом, нежные хрупкие ростки.

Видели ли вы, как зимою, в лесу, распиливают на доски продольные пильщики огромные сосновые бревна вершков двенадцати – шестнадцати – двадцати в поперечнике? Бревно положено на высокие козлы. Вверху на бревне стоит старший пильщик; внизу, под бревном на земле, – младший. По этому расчету можно судить, как необыкновенно велика продольная пила. Пилят они ритмически, то сгибаясь, то выпрямляясь, поочередно. Верхний движется вперед, едва заметно, по-медвежьи переступая ногами в мягких лаптях, нижний – пятится задом, причем его голова, лицо, борода и вся одежда сплошь засыпаны желтоватыми древесными опилками. В этой работе все удивительно: и, больше чем цирковая, ловкость старшего, безупречно балансирующего по круглой поверхности, и терпение младшего, и сверхъестественный глазомер обоих, и замечательная точность и гладкость их распилки – куда машине, – и ловкость и непринужденная гибкость их движений.

Работа их весьма тяжела: это правда. Минут через десять после начала они сбрасывают с себя зипуны, потом поддевки, потом жилеты и остаются в одних ситцевых рубашках. Мороз, хотя и небольшой – пятнадцать градусов, – но продольным пильщикам жарко, они вспотели, и белый пар валит с них, как от почтовых лошадей. И, как лошади, ржут соседние пары, когда кто-нибудь рядом запустит крутое соленое словцо. Они никогда не простуживаются, никогда не знают усталости, вид у них всегда бодрый, крепкий и веселый, походка грузная, но легкая, точно у медведя, а каждый мускул и нерв слушаются их воли мгновенно. Их труд свободен – они не знают над собою ни погонщика, ни указчика, ни советчика. Прежде чем приступить к работе, артельный староста – суровый, но милостивый диктатор – долго, зуб за зуб, торгуется с хозяином: по сколько с хлыста (хлыст – каждое прямое дерево) в зависимости от его диаметра и по сколько за каждую доску такой или иной ширины и длины. А уже после рукобития и литок артель вникала в работу с той яркой жадностью, какая была всегда свойственна бережливому скопидому, русскому мужику-собственнику.

В еде себя не урезывали. Харчились за плату у тех же лесников, у которых и ночевали безвозмездно. Тогда бывало жутко и подумать, какое мотовство: на своих чае-сахаре артель платила за обед и ужин, страшно подумать, по полтиннику с едока! В то время, в 1897

году, полтинник за целый рабочий день считался высокой ценой, а в городских трактирах за десять копеек подавали жирные щи с убоиной и хлеба – сколько съешь; ломоть жареной печенки стоил две копейки и копейку на чай. «Шестерка» низко кланялся, подметая грязной салфеткой пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.